

06.99

Собеседник — 1999 — № 22 — С. 6

Не так давно композитор Раймонд Паулс захотел попробовать себя в качестве президента, благо и советником главы республики побывать успел, и министром культуры. Видимо, работать по мелочи надоело. Выборы в Латвии назначены на 17 июня, и если Раймонду Вольдемаровичу вдруг удастся победить на них, нашему Никите Михалкову будет намного проще: прецедент, однако.

дять кампанию против меня. Хотя в парламенте, как ни странно, ко мне все фракции относятся нормально, доброжелательно.

— В России такое отношение часто заканчивается обнародованием компромата.

— У нас тоже. Меня уже обвиняли в том, что я получал огромные деньги в каком-то банке. Потом говорили, что я вернул в банк незаконно полученные мной суммы в долларах. Мол, это были не мои деньги, что я их украл. И все в таком духе.

— У нас денежные вопросы сейчас не популярны. Все больше сексуальные скандалы...

— Я стараюсь в кадр не попадать. Живу скромно, не даю повода для таких пересудов.

— То есть вы хорошо представляете трудности предвыборной борьбы?

— Будем откровенны. Это не та предвыборная борьба, к которой вы привыкли в России. У нас

ция существует, я уверен. Но даже не представляю себе, как бы я давал деньги. Ни одной копейки никому не дам.

— Кто же финансирует вашу предвыборную кампанию?

— Не знаю. Лично я никаких расходов не понес. Меня никто деньгами не поддерживает, наоборот, только просят.

— Каковы же источники денежного благополучия партии во главе с вами?

— Пожертвования. Кстати, вопрос денег для нас действительно не самый болезненный. Их в «Новой силе» немного, но пока хватает. Вы поймите, деньги в предвыборной борьбе играют роль, когда речь идет о попадании в парламент. Вот тогда надо вкладывать суммы, чтобы завоевать своего избирателя. А на президентских выборах деньги уже не играют такой роли: никаких предвыборных плакатов, митингов. Я, очевидно, встречу с представителями нескольких фракций. А при голосовании большую роль сыграют симпатии именно русской группы парламента.

— Вас относят к политикам, которые пользуются ее поддержкой.

— К партии да и ко мне относятся по-разному. Откровенно говоря, народ у нас сейчас довольно злой. Поскольку экономика не в

14 лет назад КИСЛОТНАЯ «ДАНАЯ»

15 июня 1985 года посетитель Эрмитажа облил кислотой «Даная», попутно пару раз проткнув холст ножом. Шедевр Рембрандта все же удалось спасти. «От идиота уберечься очень сложно, тут уж как повезет», — Евгений Герасимов, к сожалению, не лукавит. Именно он, реставратор высшей категории, был одним из тех, кто вернул «Даная» к жизни. «Когда увидел, что случилось с картиной, подумал, что наблюдаю сюрреалистический фильм», — вспомнил он. — Понимаешь, что это произошло, но разум отказывается в это верить».

15 июня в Ленинграде было солнечно. Большинство сотрудников Эрмитажа уехали за город. Герасимов на дачу не поехал, сидел дома — рисовал. Поднимая трубку телефона, он еще не знал, что в его жизни начинается десятилетний труд по спасению шедевра.

«Вызвали всех, кого могли. Появился директор, который стал дозваниваться до ведущих специалистов-химиков», — рассказал Евгений Никифорович. — С определением повреждений разобрались быстро: общая площадь кислотного пятна составляла треть поверхности. Единственный вариант спасения полотна — поставить его вертикально и облить проточной водой, чтобы нейтрализовать кислоту». Бесценную «Даная» Герасимов с коллегами поливали из лейки около часа. Как утверждает реставратор, два дня картина сохла, а потом началась ее проверка на кислотность.

Кстати, материалы, которыми писали голландцы, сегодня практически невозможно воспроизвести: «Нам пришлось подобрать наиболее близкие современные аналоги масел и пигментов — без химии, только на натуральной основе. Слава Богу, палитра у Рембрандта очень небольшая, так что сделать это было не так сложно». В Эрмитаж пару раз наведывался тогдашний первый секретарь обкома Соловьев вместе с чиновниками из горадминистрации. Посмотрели и уехали. Надо отдать должное администрации Эрмитажа: купила краски, кисти и пигменты, выделила под мастерскую специальное помещение. В конце восьмидесятых стоило это прилично и к тому же в валюте: счет шел на десятки тысяч долларов.

Эпопея с «Даная» закончилась лишь полтора года назад. Но особых почестей кудесникам из отдела реставрации Эрмитажа не оказали — если не считать праздничного концерта. «Моим коллегам, правда, дали высшую квалификацию», — поведал нам Евгений Никифорович. — А я ее уже имел, выше прыгать было некуда».

Эрмитаж не единственный, кому не повезло. В Японии, Германии, США в разное время были обезображены полотна того же Рембрандта. Последней в этом ряду стоит работа Дюрера «Алтарь». Как и в случае с Эрмитажем, это было делом рук психически больного человека. Теперь администрация Эрмитажа подстраховалась: затратив немалые средства, закрыла наиболее известные шедевры небойшимся малобликующим стеклом. Оно не боится кислоты, и разбить его очень сложно. Во всяком случае, по признанию реставраторов, даже при наличии охраны это — единственный путь борьбы с вандализмом.

Павел ПАПАШИН. P.S. О том, как «Даная» оказалась в Эрмитаже, и о многом другом, связанном с великими шедеврами живописи, читайте на стр. 22-23.

раймонд паулс: деньги за президентство?

До Латвии дозвониться теперь намного проще: какая-никакая, а граница. Но мобильные телефоны в любой точке земного шара — штука дорогая. Пронзительный писк зуммера застал Паулса прямо среди улицы. «Подождите, я отойду с дороги, а то неудобно разговаривать на трамвайных рельсах», — произнес он, чуть с трудом справляясь с русской речью. После чего лидер «Новой силы», имеющей восемь мест в парламенте, тяжело вздохнул и, облокотившись о ствол раскидистой липы, начал свой по-прибалтийски неспешный рассказ.

ни одной копейки не дам!

— Раймонд Вольдемарович, признайтесь: зачем вам политика?

— Конечно, политика не для творческих людей. Но так сложилось, что моя музыкальная деятельность всегда была связана с общественной работой. Я был министром, советником президента, и мимо меня не проходили процессы изменения общества в Латвии. Очевидно, желание поучаствовать в политическом процессе возобладало. Ведь, несмотря на высокие должности, мне предоставлялась лишь роль наблюдателя, который ничего не мог изменить.

— Все десять лет вы только наблюдали!

— В Латвии мы не занимались экономикой, а думали, что добрый дядя с Запада поможет. Но помощи от туда никакой нет, а производство в стране стоит. Люди нищают — экономическая ситуация в Латвии далека от нормальной. И уровень жизни у нас несравним с европейским.

— Не жалеете, что когда-то согласились стать помощником главы республики!

— Должность принесла и хорошее, и плохое. До сих пор меня обвиняют в том, что я ликвидировал Русский театр в Риге. Но жизнь показала, что я был прав, предложив контрактную систему артистам. Вначале ее никто не принял, а сейчас контракты в порядке вещей. Но вообще с творческими людьми работать не так просто.

— Проще было создать партию и работать с политиками!

— Я партию сам не создавал — была группа людей, которые нашли меня и предложили ее возглавить. А насчет простоты вопроса: кто против меня? Обычно это те, кому я что-то не дал — не важно, в смысле денег или просто помощи. Мои политические противники постоянно выпячивают обиды отдельных людей. Но я к этому уже привык. Даже к тому, что все крупнейшие латышские газеты прово-

дуют батальи происходят в кабинетах, офисах: «за» или «против» кандидата на пост президента голосует не народ, а парламент из ста делегатов.

— Политическая борьба в парламенте вряд ли обходится без денег.

— Это всегда было и будет. Но я в таких делах участия не принимаю. Стараюсь не запачкать свою совесть. В том, что корруп-

лучшем состоянии, все это отражается на настроениях людей.

— Политические противники представляют вас продуктом отжившей советской эпохи.

— Конечно, они вспоминают, что я был народным артистом СССР. Я всем отвечаю, что это — история. И горжусь, что получил это звание. Потому что народного артиста Советского Союза просто так не давали. Его присуждали очень талантливым, а где-то просто гениальным деятелям искусства. Так что я не могу это все вычеркнуть. Вы поймите, несмотря на свою сложность, тот период нашей истории имел и положительные стороны.

— Вы еще не думали над тем, не пригласить ли к выборам в Ригу, например, Аллу Борисовну?

— Это ничего не даст, абсолютно. Вообще считаю, что, приглашая артистов, можно все испортить. Я сам могу себя поддержать, мне помощники для этого не требуются.

— В России говорят, что специально к выборам вы намерены написать какую-то песню, причем почему-то о пиве.

— Да? Моя политическая деятельность, конечно, вредит творчеству. Времени катастрофически не хватает. Приходится работать ночами. Но про пива я писал не для выборов — по заказу одной замечательной фирмы.

— Писать песни на заказ! Не оскорбляет ли это известного композитора!

— Нисколько. Я всю жизнь только этим и занимался — заказами. Песни для авторов, киномузыка, музыка для театра, это что — не заказ? Обычная работа композитора.

— И все же услышим ли мы какой-нибудь предвыборный хит от Паулса!

— Нет, конечно. Последние хиты я написал для Вайкуле, но это было давно. Кстати, мы с ней недавно

встретились.

— Она не захотела вступить в ваши ряды!

— Нет. Только где-то в интервью сказала, что меня поддерживает, но только морально.

— А супруга как относится к такому повороту судьбы!

— У меня жена говорит, что если я даже проиграю, то все равно выиграю.

Павел МОРОЗ.

Если Паулс победит, мало кто сможет полюбоваться им на рижских улицах вот так запросто

Паулс Раймонд